

ВЛИЯНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ МИГРАЦИИ НА ИСЛАМСКОЕ ПРОСТРАНСТВО УРАЛЬСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКА, МАГНИТОГОРСКА И ТРОИЦКА)

А.А. Авдашкин

Андрей Александрович Авдашкин | <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755> | adrianmaricka@mail.ru | к. и. н., старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории миграционных исследований | ФГАОУ ВО “Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)” (пр. Ленина 76, Челябинск, 454080, Россия)

Ключевые слова

миграция, ислам в России, Урал, интеграция, мечеть, молитвенный дом

Аннотация

Статья посвящена влиянию центральноазиатской миграции на исламское пространство городов Урала на примере Челябинска, Магнитогорска и Троицка. Источниковую базу составили материалы интервью и включенного наблюдения. Применение концепта о праве на город в качестве теоретико-методологической рамки позволяет описать отношения, которые складываются вокруг символической власти над городским пространством. В данном случае речь идет об объектах социальной инфраструктуры, созданных мигрантами или используемых ими в повседневной жизни для удовлетворения религиозных потребностей (мечети, молитвенные дома, кафе халяльной кухни, лавки исламской моды). Мигранты-мусульмане приобретают опыт организационной деятельности и накапливают различные ресурсы для формирования и развития религиозной инфраструктуры, что позволяет удовлетворять социальные и духовные потребности различных мигрантских групп.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 23-28-10211]

Трансграничная миграция из стран Центральной Азии, как и внутренняя миграция из республик Северного Кавказа, вносит существенные изменения в жизнь исламских сообществ в регионах России (*Старостин* 2015). Отношение российского общества к мигрантам, в особенности кавказским и центральноазиатским, остается враждебным или настороженным (*Епихина* 2017: 146). Кроме того, количество специализированных организаций и институтов гражданского общества, занимающихся проблемами мигрантов, в России оста-

Статья поступила 02.05.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 22.11.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Авдашкин А.А. Влияние центральноазиатской миграции на исламское пространство уральского города (на примере Челябинска, Магнитогорска и Троицка) // Этнографическое обозрение. 2024. № 1. С. 180–196. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010092> EDN: YBNAXC

Avdashkin, A.A. 2024. Vliianie tsentral'noaziatskoi migratsii na islamskoe prostranstvo ural'skogo goroda (na primere Cheliabinska, Magnitogorska i Troitska) [The Influence of Central Asian Migration on the Islamic Space of Cities in the Urals (the Cases of Chelyabinsk, Magnitogorsk, and Troitsk)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 180–196. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010092> EDN: YBNAXC

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

ется незначительным. Мигранты-мусульмане вынуждены полагаться исключительно на свои социальные сети поддержки, поскольку ни НКО (мусульманские или немусульманские), ни институционализированные мигрантские общины (за редким исключением) не удовлетворяют их потребности и не осуществляют функции представительства в публичном пространстве (*Borodkina et al.* 2017; *Malakhov* 2019). Транснационализация ислама вызывает все большую обеспокоенность государственной власти, поскольку существенно увеличивается количество разнообразных акторов, принимающих участие в повседневной жизни российских мусульман (*Light* 2012; *Aitamurto* 2019). Важной стратегией презентации ислама, применяемой в российских медиа, является использование акцента на “многочисленности” мусульман (*Ragozina* 2020). На это накладывает отпечаток и мигрантофобия, поскольку в представлении экспертов и общественности, а также в материалах медиа проблематизируется связь между миграцией и ростом численности жителей России, исповедующих ислам (Урал под мигрантской пятой 2013; *Ларюэль* 2021: 15).

Мигранты способствуют формированию и развитию не только мусульманских социальных сетей, но и специфичной мигрантской инфраструктуры в пространстве российских городов. В регионах Западной Сибири, привлекательных для постоянного притока рабочей силы, мигрантами создана социальная инфраструктура, в том числе религиозная (*Капустина* 2019; *Yarlykapov* 2020). В большинстве крупных российских городов формируются и развиваются различные исламские пространства, действует рынок товаров и услуг для мусульман и т.д. (*Cieślowska, Włajet* 2020; *Сметанин* 2022). Отношения и социальные сети (взаимо)поддержки, сложившиеся на основе принадлежности к определенной этноконфессиональной группе или родстве, рассматриваются центральноазиатскими мигрантами как возможность сделать свою жизнь в принимающей стране более безопасной и контролируемой (*Turaeva* 2019).

Однако мы не располагаем полным представлением о том, какое влияние миграция оказывает на конфессиональное пространство российских городов. В исследованиях российских и зарубежных авторов на примере Москвы, Томска и Нового Уренгоя показано, как происходит изменение исламского городского пространства, описаны возникновение и работа мигрантских религиозных центров, а также выявлены трансформации идентичности мигрантов (*Олимов, Олимова* 2019; *Опарин* 2022; *Сметанин* 2022; *Yarlykapov* 2020; *Sokolov* 2020; *Laruelle, Hohmann* 2020). Вопросы организации религиозных центров для мигрантов изучены пока на ограниченном количестве примеров (*Гуськова* 2017; *Опарин* 2022). Ощутимо не хватает региональных ракурсов, которые бы позволяли понять, какова социальность молельных домов и залов, как может организовываться повседневность вне мечетей (*Деминцева, Мкртчян* 2023). Исследований на материалах Урала подготовлено немного, и они в основном сфокусированы на Екатеринбурге (*Старостин* 2009, 2013, 2023; *Могильчак* 2019). В представленной статье рассматривается проблема создания и использования мигрантами из Центральной Азии религиозной инфраструктуры в Челябинске, Магнитогорске и Троицке.

Материалы и методы. Источниковую базу рукописи составили глубинные (17) и экспресс (21) интервью с мигрантами-мусульманами из стран Центральной Азии, русскими женами мигрантов из Таджикистана (7 интервью)¹, результаты включенного наблюдения в мечетях Челябинска (Ак-мечеть, мечеть

“Исмагила” и мечеть им. Хариса-Юусупова), Магнитогорска (Соборная мечеть) и Троицка. Сбор материалов происходил в январе–апреле 2023 г. Определенную пользу принесли результаты более ранних полевых исследований автора, в частности экспресс-интервью с мигрантами, проведенные в 2019–2022 гг. В общей сложности использованы 11 глубинных интервью. Их содержание позволило реконструировать сюжеты, связанные с религиозностью мигрантов, посещением молитвенных домов и мечетей. Документы архива Челябинской области (ОГАЧО) позволяют прояснить важные подробности функционирования рыночных сообществ, сформированных мигрантами. Речь идет о фонде Главного управления по взаимодействию с правоохранительными и военными органами Челябинской области, где отложились результаты проверок на рынках области за 2007 г., когда правительство приняло меры к ограничению присутствия мигрантов в сфере торговли².

Исследование построено на качественных методиках: глубинные и экспресс-интервью, включенное наблюдение. На данном этапе реализации проекта работа в поле строилась преимущественно вокруг мигрантов – прихожан мечетей и молитвенных домов. Имамы мечетей, их заместители и помощники, преподаватели фикха, арабского языка и т.д. при мечетях, мастера, делающие обрезание на дому, пока представлены малочисленной группой информантов. Применение концепта о праве на город в качестве теоретико-методологической рамки позволяет описать конкурентные и иные отношения, складывающиеся вокруг символической власти над городским пространством, посредством возможности (пере)определять его функционал (см.: *Lefebvre* 2000). Миграция из Центральной Азии преобразует общественные отношения, возникают новые социальные группы и акторы, что способствует появлению запросов на реорганизацию общественных пространств и получение доступа к ним – в данном случае к религиозной инфраструктуре для мигрантов-мусульман (халяльные кафе для мигрантов, молитвенные дома, “мигрантская” среда в мечетях, лавки исламской моды и т.д.). Несмотря на ряд ограничений применяемых методов и использованных источников, наша исследовательская оптика позволяет ответить на вопрос, как появление различных групп мигрантов-мусульман приводит к созданию новых объектов исламской инфраструктуры и(или) диверсификации уже существующей.

Городские контексты. Как показал Э. Насритдинов на примере Санкт-Петербурга и Казани, особенности организации городского пространства, определенность повседневных практик взаимодействия между различными этническими и религиозными группами влияют на отношения мигрантов-мусульман и местных жителей (*Nasritdinov* 2016). Мы анализируем возникновение и развитие мигрантской инфраструктуры в трех населенных пунктах различных по историческому контексту возникновения и развития городских пространств, численности населения, структурным особенностям экономики и т.д.

Троицк возник и развивался как крупный торговый центр Южного Урала. В облике этого города заметны следы длительного присутствия различных этноконфессиональных меньшинств³. С Троицком связана деятельность видного исламского просветителя З. Расулева⁴, а также издание первого литературного журнала на казахском языке (“Айкап”). В постсоветском Троицке сохраняется диалог культур и конфессий. Одним из неофициальных наименований города до сих пор остается “Уральская Мекка”, здесь ежегодно проходит научно-прак-

тическая конференция “Расулевские чтения”. Могила З. Расулева, расположенная на старинном мусульманском кладбище, привлекает немало паломников из Республики Дагестан, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана⁵. Численность населения Троицка зафиксирована на отметке в 70 тыс. человек.

Магнитогорск — фактически город-завод, стремительный рост которого пришелся на 1950–1980-е годы, когда наращивался выпуск промышленной продукции и привлекалась рабочая сила для многочисленных металлургических предприятий. В постсоветский период в городе возникли две мечети (Соборная и Левобережная), заметно усилились миграционные потоки из Таджикистана, появились локации и сферы деятельности, устойчиво маркируемые жителями как мигрантские. По состоянию на 2022 г. численность населения составляла 411 тыс. человек.

Челябинск является административным центром области, одним из уральских городов-миллионников, сохранивших свой промышленный облик. Население составляет по разным оценкам до 1 млн 183 тыс. человек. Стремительный рост города связан с послевоенным периодом, когда возводились промышленные гиганты и жилые кварталы для рабочих. Однако в постсоветские годы произошло сокращение производства. Квартиры в индустриальных Металлургическом и Тракторозаводском районах теряют престиж для большинства горожан, что влияет на постепенное увеличение там (в отдельных локациях) концентрации мигрантов из Центральной Азии. Кроме того, в этих районах расположены крупные оптовые и розничные рынки (этнические) — кластеры мигрантских рабочих мест и социальных связей. Стоит оговориться, что далеко не все мигранты, работающие на данных рынках, живут поблизости. Многие купили или снимают квартиры в других районах, проживают в частных домах в пригородах.

Результаты и обсуждение. Как отметили А. Малашенко и А. Старостин, подавляющее большинство мусульман на Южном Урале исторически составляют татары и башкиры, исповедующие традиционный ислам ханафитского мазхаба (Малашенко, Старостин 2015: 5). Еще два десятилетия назад влияние этого фактора на межэтнические отношения и политическую обстановку на Урале было минимальным, а этноконфессиональная ситуация не воспринималась как напряженная. Согласно данным исследования 2012 г. реальная численность россиян, идентифицировавших себя как мусульмане, составляла 7% (около 10 млн) населения. Это существенно меньше численности лиц, принадлежащих к традиционно мусульманским этносам. В Челябинской области эти показатели (от общей численности населения) были следующими: мусульмане, не причислившие себя ни к суннитам, ни к шиитам — 4%, мусульмане-сунниты — 3%, мусульмане-шииты — менее 1%⁶ (Арена 2012). Ислам на Урале избежал критического уровня политизации, и среди местных мусульман практически отсутствовали радикальные настроения (Малашенко, Старостин 2015: 5). Сегодня влияние миграции на религиозную жизнь региона вызывает все более пристальное внимание экспертов и представителей власти.

Условное разделение на “мечеть для местных мусульман и мигрантов” заметно практически во всех изученных случаях в Челябинске, Магнитогорске и Троицке. По оценкам наших информантов, среди местных татар и башкир доля часто посещающих мечети, “соблюдающих”, мусульман оценивается как крайне низкая по отношению к их общей численности. За последние годы значительную часть прихожан в мечетях Челябинска и Магнитогорска (от 50 до 70%)

составляют именно мигранты из Центральной Азии, по большей части таджики. Есть общины, сформированные азербайджанцами и выходцами с Северного Кавказа. Например, в мечети Чебаркуля много лет имамом является азербайджанец (Адлер 2004). Все это этническое и религиозное разнообразие локализуется в нескольких мечетях Челябинска, Магнитогорска и Троицка.

Челябинск и Магнитогорск – заметные центры притяжения центральноазиатской миграции на Урале (Олимова, Боск 2003: 28), что, с одной стороны, повлекло формирование и развитие в этих городах мигрантской инфраструктуры, а с другой – способствовало использованию уже сложившейся городской инфраструктуры, в частности религиозной. Выходцы из Таджикистана относятся к категории наиболее многочисленных мигрантов в Челябинской области. Косвенно это подтверждается и тем, что в 2022 г. значительную долю миграционного прироста в регионе составили приезжие именно из этой страны (Все уезжают 2022). Достоверных данных об их численности обнаружить не удалось, но общие оценки наших информантов, прибывших из Таджикистана, колеблются в районе 60 тыс. человек. Сюда они относили около 10 тыс. живущих постоянно и принявших российское гражданство, что близко к результатам переписи 2020 г. (см.: Всероссийская перепись 2020), а также более многочисленных сезонных мигрантов, приезжающих на несколько месяцев из Таджикистана или из других российских регионов (насчитывается примерно 50 тыс., когда наступает “сезон”). Например, муфтий Челябинской области Р. Раев в интервью изданию “74.ru” говорил, что до пандемии в Магнитогорске постоянно или временно могло проживать до 20 тыс. таджиков, что вполне соответствует цифрам, озвученным нашими таджикскими информантами. Некоторые из них являются священнослужителями в городских мечетях и получили для этого религиозное образование⁷ (О взрывах в Магнитогорске 2019; Татары Магнитогорска 2023). На Ураза-байрам и Курбан-байрам численность мигрантов из Таджикистана в Челябинске и Магнитогорске может достигать максимальных годовых значений, что, с одной стороны, создает в глазах принимающей стороны эффект многочисленности, а с другой – повышает потребность мигрантов-мусульман в доступе к религиозной инфраструктуре.

К тому же мигранты из Таджикистана, по оценкам информантов, наиболее консервативны, и среди них существенно больше людей “строго соблюдающих”⁸. Эту позицию подтвердили как мигранты-мусульмане из Кыргызстана и Узбекистана, так и мусульмане без миграционного опыта. Практически все наши информанты из Таджикистана родом из небольших поселков или кишлаков, где всегда царил очень размеренная и религиозная атмосфера, “отсутствовали соблазны большого города”. Как признался один из участников исследования, “...ничего не видел почти из больших городов, даже в Душанбе не ездил, видел только Пяндж и кишлаки вокруг” (ПМА 1).

Во всех трех городах, где проходило исследование, развита мигрантская инфраструктура. На территории крупных рынков и овощной базы в районе Каширинского рынка в Челябинске либо в прилегающих застройках функционируют различные институты, созданные мигрантами не только для них самих, но и для всех жителей города. Это магазины одежды, в том числе исламской моды, молитвенные комнаты, многочисленные халяльные кафе и чайханы. Здесь же размещаются объявления предпринимателей, осуществляющих пассажирские и грузовые перевозки по маршруту Челябинск–Худжанд–Душанбе, парикмахер-

ские, стоматологические кабинеты и др., неформально оказываются различные услуги, например обрезание на дому. (В январе 2023 г. в Магнитогорске после обрезания на дому младенец попал в реанимацию [В Челябинской области 2023]. Мастер, проводивший операцию, судя по всему, неверно рассчитал дозу анестетика или не учел возможность проявления аллергической реакции, и ребенок начал задыхаться.) Все это образует развитую, но в то же время относительно дисперсно распределенную социальную инфраструктуру.

Строительство, коммунальное и сельское хозяйство – одни из основных сфер занятости мигрантов из Центральной Азии. Значительная часть приезжих в частном порядке ремонтирует квартиры и строит загородные дома, а в летнее время сменами подрабатывает в тепличных комплексах. Если говорить о строительстве крупных городских объектов (промышленных предприятий или многоквартирных домов) – многие мигранты живут непосредственно на строительных площадках или занимают общежития в разных частях Челябинска и Магнитогорска, возведенные еще в советское время для работников различных предприятий. На момент проведения исследования автор зафиксировал минимум пять таких объектов, где мигранты “стали заметны”.

Результаты интервью и включенного наблюдения говорят о том, что выходцы из Таджикистана преобладают на значительной части рынков примерно с 2007 г. В этот период торговую деятельность на рынках области официально осуществляли 4316 иностранных граждан. Из них граждан: КНР – 1290, Таджикистана – 1011, Узбекистана – 729, Казахстана – 537, Кыргызстана – 393, Азербайджана – 166, Армении – 103, Вьетнама – 87 человек (ОГАЧО. Д. 46. Л. 192). По данным регионального УФСБ, после введения ограничений для иностранных граждан в сфере розничной торговли⁹ подавляющее большинство китайских предпринимателей переориентировалось на организацию тепличных хозяйств (ОГАЧО. Д. 85. Л. 101–102), а их места на рынках в последующие годы заняли в основном выходцы из Таджикистана, в меньшей степени из Узбекистана и Кыргызстана. Основными местами их концентрации являлись “Китайский рынок” и “Восточный город” (вещевые) и “Каширинский рынок” (плодоовощной) в Челябинске, некоторые крупные рынки в Магнитогорске. Во время сбора полевых данных на Китайском и Каширинском рынках около половины торговцев составляли таджики, работавшие в тесной кооперации с китайскими и азербайджанскими оптовиками.

Мигрантская религиозная инфраструктура: таджикские центры. Если в начале и середине 1990-х годов основным языком (как разговорным, так и хутбы) в челябинских, магнитогорских и троичких мечетях был татарский, то к началу 2000-х годов под воздействием социальных и демографических процессов, в том числе вызванных уходом татароязычного старшего поколения и заметно активизировавшейся миграцией, его сменили русский, частично азербайджанский и арабский. Сейчас же в преимущественно русскоязычном мусульманском пространстве этой части Южного Урала все более отчетливо начинает звучать таджикский язык. Диверсификация исламской среды способствует созданию условий для трансляции религиозного знания на языках мигрантов из Центральной Азии.

За последнее десятилетие под юрисдикцией Регионального духовного управления мусульман (РДУМ) в городах области возникли три национальных религиозных центра с молитвенными комнатами – два таджикских и один узбекский на рынках “Каширинский” и “Северный” (см.: На рынке “Северный” 2012) в

Челябинске и “Зеленый” в Магнитогорске. Как минимум один из них на момент подготовки рукописи уже не действует¹⁰. Информанты сообщили, что им не известно о работе других крупных молитвенных комнат, поскольку многие “читают намаз на рабочих местах, фиксируют, что и когда читали с помощью смартфонов или специальных четок” (ПМА 1).

Отличительными особенностями двух таджикских центров является моноэтничность прихожан и преподавателей, наличие у них миграционного опыта, а также преподавание на таджикском языке. Вопрос о проведении моноэтничных джума-намазов для мигрантов на базе этих религиозных центров остается дискуссионным, так как ни один из них не является мечетью. Хотя эти центры весьма вместительны – до 400–450 человек и теоретически никто “не закрывает дверь” для представителей других этнических групп или даже русских мусульман, посещаются они только “своими”. Учредители опасаются проверок и профилактических рейдов силовиков, возможных конфликтов и закрытия молитвенных помещений, поэтому к новым людям, тем более лишенным определенного социального капитала в мигрантской среде, относятся с подозрением.

Инициатива по организации молитвенного помещения в пристрое к одному из складов исходила от мигрантов из Таджикистана, работающих на оптовом плодоовощном рынке “Каширинский”, и руководства таджикского национально-культурного центра “Сомониен”. Имамом являлся выходец из Таджикистана, преподававший основы ислама и арабского языка для работников рынка и их детей. На момент подготовки рукописи рынок “Каширинский” фактически прекратил свою деятельность, но молитвенный дом продолжает функционировать. Во всяком случае, информанты его посещают, и в мае 2021 г. там проходил Ураза-байрам (Южноуральские мусульмане 2021). В Магнитогорске молитвенную комнату организовали преимущественно узбекские мигранты, поскольку рядом с рынком “Зеленый” мечети не было. При этом один из крупнейших городских кластеров этнических рынков находится практически в центре города напротив Соборной мечети. Информанты подчеркнули, что в первом случае основу сообщества верующих составляли узбеки, во втором – таджики.

Как отметили информанты, сформировалась инфраструктура для удовлетворения потребностей мигрантов-мусульман. Этнические и(или) халяльные кафе, а также точки общепита предоставляют не только возможность поесть по доступной цене (иногда при мечетях предлагается бесплатная еда), здесь же можно найти место для общения и досуга. Так, кафе вокруг мечети Исмагила в Челябинске или соборной мечети в Магнитогорске играют важную роль в жизни мигрантов-мусульман, так как тесные комнаты, где живет большая часть наших информантов, – не лучшее место, чтобы выпить чашку чая или поужинать после долгого рабочего дня. Многие кафе и рынки негласно предлагают возможность посетить молитвенные комнаты, используемые “своими” (постоянные посетители, друзья/знакомые, представители одной национальности с администрацией кафе или просто люди, выглядящие как центральноазиатские мигранты, иностранные студенты).

Таджики в рассматриваемом регионе отличаются от остальных выходцев из Центральной Азии более высокой групповой сплоченностью, развитыми социальными практиками контроля и поддержки. Сформированные таджикскими мигрантами различные (не)формальные сети и организации, курирующие мно-

гие вопросы повседневной жизни приезжих, в том числе религиозные, сегодня есть во многих городах региона (к примеру в Миассе и Магнитогорске), они обладают значительно большими ресурсами и влиянием, чем, например, сообщества кыргызских и узбекских мигрантов, национально-культурные организации которых создавались несколько позднее, чем таджикские¹¹.

Роль религиозной инфраструктуры мигрантов в создании социальных связей.

Информанты условно подразделялись на две группы: нацеленные на интеграцию в полиэтничное исламское пространство и ориентированные на мигрантскую — обычно “свою таджикскую” — среду. Те, кто нацелен на интеграцию, рассматривали исламскую инфраструктуру как важный инструмент, облегчающий вхождение в новое для себя общество. Религия способствовала существенному повышению жизненной стойкости, нахождению и формированию в рамках общины ближайшего круга доверительных контактов и поддержки. Принадлежность к общине (умме, джамаату) позволяет людям субъективно нивелировать мигрантский статус и переqualифицировать его в статус существенно более уважаемый. Городские мечети для наших информантов служат основным местом социальных, образовательных и культурных мероприятий. После окончания молитвы вокруг активистов формируется круг прихожан для решения насущных проблем. Как отметил один из информантов: “...я всегда подчеркиваю, что я не просто какой-то таджик из кишлака, а представитель древней и развитой исламской культуры. Ей тысяча лет, вся наука когда-то была на арабском или персидском языках” (ПМА 1).

Изучая различные сообщества в мечетях, интеграционные стратегии отдельных представителей этих сообществ, формальные и неформальные мигрантские сети, сложившиеся вокруг них, автор пришел к выводу, что “исламская инфраструктура” открывает приезжим-мусульманам возможность организовать свою социальную и экономическую жизнь вокруг ислама. Такая “исламизация” мигрантской среды существенно повышает интеграционный потенциал, способствует созданию и поддержанию разветвленных социальных сетей, позволяя преодолевать некоторые негативные эффекты, продуцируемые мигрантским статусом (*Yusupova, Ponarin 2018*). В то же время в ходе реализации исследовательского проекта автор встречал немало информантов, скептически настроенных относительно интеграционного потенциала религии. С одной стороны, наблюдается увеличение доли “не соблюдающих”, атеистов и агностиков, а с другой — существенно возрастает количество активистов исламских общин и людей, строго практикующих ислам. Обращение мигрантов к религиозным практикам может являться реакцией на неблагоприятное отношение принимающей стороны, а также на повседневные трудности.

Значительная часть интервью строилась на том, что приход к более строгой практике вероучения в миграции, личный пример “других соблюдающих” служат существенной поддержкой. Она крайне необходима в условиях неопределенности и нестабильности, усиления межгрупповой конкуренции, разлада из-за неурядиц семейной жизни. Приведу лишь один пример: молодой человек 25 лет, строитель, приехал в Челябинск из Узбекистана и привез с собой жену, но из-за его супружеской неверности отношения испортились. Значительную роль в разрешении сомнений и сохранении брака сыграл коллега молодого человека, “таджик, соблюдающий мусульманин, хорошо знающий Коран, позвал в мечеть читать намаз... так и осознал ценность брака и семьи” (ПМА 2).

Когда информанты ощущали острый недостаток социальных связей (отсутствие доверительных отношений и контактов) или имели ограниченный доступ к институтам, помогающим интегрироваться в принимающее общество (к образованию, медицинскому обслуживанию и т.д.), они старались обретать новые знания, знакомства и возможность самореализации в среде верующих. Мечеть или неформальный круг общения в кафе возле нее рассматривается как важная социальная опора. Акторы постоянно и творчески интерпретируют свои отношения с другими мигрантами, полагаясь на маркеры ислама в качестве способа построения доверительных отношений (“Сам ничего не соблюдаю, но общаюсь с соблюдающими”). Порой это делается, чтобы дистанцироваться от чувства постоянной фрустрации и стресса, экономической или социальной изоляции.

М. Штефан-Эмрих и А. Мирзоев, исследуя сквозь призму базаров Душанбе конструирование исламского образа жизни, показали, что маркеры религиозности в облике работниц в сфере торговли генерируют взаимное доверие, необходимое для реализации их бизнес-проектов. К тому же “габитус благочестия” способствует преобразованию стратегий и пространства, связанного с “аморальностью” базарной экономики (*Stephan-Emmrich, Mirzoev* 2016). Рассказы наших информантов в какой-то степени сводились к схожей логике. Мигрантская среда и сама ситуация миграции воспринимаются ими как “опасные, основанные на обмане, агрессии, поэтому религиозность или благочестие”, по мнению информантов, служат дополнительными инструментами взаимного контроля, солидарности и развития социальных сетей, укрепления доверия в атмосфере постоянной неопределенности. Этот режим неопределенности жизни мигрантов в России охарактеризован С.Н. Абашиным как игра в “русскую рулетку” (см.: *Абашин* 2022). Мигранты-мусульмане вносят определенный вклад в преобразование и регуляцию образа жизни выходцев из Центральной Азии.

В отличие от других групп приезжих из Центральной Азии, в частности узбеков и кыргызов, в создании и функционировании социальных сетей таджикских мигрантов приоритетную роль играют религиозные нормы. Именно в рамках землячеств и профессиональных групп, предполагающих локальность, обеспечиваются основные религиозно-ритуальные потребности значительной доли информантов. Эти локальные группы формируют социальность закрытых молельных домов и залов только для “своих”, связанных повседневным взаимодействием на работе (обычно рынки), в местах совместного проживания и др. Для заметного числа мигрантов из Таджикистана, задействованных в исследовании, религия и исламская инфраструктура предоставляют возможность (*Малашенко, Старостин* 2015: 5) создания приемлемой социальной дистанции не только с принимающей стороной, но также с мусульманами, не имеющими миграционного опыта, и другими мигрантами-мусульманами. Как правило, это религиозные центры, организованные непосредственно на рынках, или реже мечети возле рынков. В нашем случае речь идет о соборной мечети Махалля № 905 им. Хариса Юусупова (Челябинск), построенной поблизости от крупных этнических рынков (“Северный двор”, “Китайский”), кластера жилья эконом-класса, востребованного в среде мигрантов, в основном выходцев из Таджикистана.

Представители этой группы стараются не посещать остальные городские мечети, поскольку там они могут встретиться с “нетаджиками”, другими мигрантами, “вера которых лицемерна, не так правильна, чиста”. Вот что нам рассказал

один из постоянных посетителей такого молитвенного дома: “...есть кавказцы разные, которые вне стен мечети обманывают покупателей, ведут себя высокомерно со всеми, недружественно с нами. Могу ли я и мои сыновья молиться с ними вместе, зная какие они на самом деле...” (ПМА 1). Кроме того, многие мужчины говорили о нежелательности посещения мечети женщинами.

Практически все информанты, которые нашли друзей, работу или другие ресурсы через сеть поддержки мигрантов-мусульман, указывают, что это произошло в молитвенном доме или мечети. Объекты исламской инфраструктуры становятся социальными полями для благотворительности и расширения активизма, куда привносятся свои и усваиваются местные правила, тем самым постоянно трансформируется организация религиозной жизни. Полевые материалы показали, что лидеры религиозных общин прикладывают определенные усилия для притяжения и удержания таджиков и(или) кавказцев в качестве постоянных и активных прихожан той или иной мечети. Сочетание высокой групповой сплоченности и доступа к финансовым ресурсам у некоторых групп мигрантов-мусульман зачастую позволяет мечети эффективно решать некоторые материальные проблемы за счет ощутимых пожертвований, проводить благотворительные акции и др.

* * *

В Челябинской области, равно как и в большинстве других регионов, притягивающих мигрантов, выходцы из Центральной Азии образуют значительную часть прихожан мечетей и молитвенных домов. Они не просто встраиваются в существовавшее до них исламское пространство, а принимают все более деятельное участие в его преобразовании, привнесении в него новых мигрантских компонентов. На данный момент подавляющее большинство имамов составляют татары. Под эгидой РДУМ Челябинской области возникли религиозные центры, предназначенные для центральноазиатских мигрантов, — два таджикских и один узбекский. Последние исследования религиозных практик мигрантов из Центральной Азии показывают, что процессы диверсификации мусульманских общин России приобретают все более динамичный характер (см.: *Опарин* 2021), что пока не столь явно прослеживается на Урале, во всяком случае на примерах, рассмотренных автором. Однако там, где имамами являются татары, мигранты играют все более заметные роли в общинах. Они безвозмездно или за плату преподают основы ислама, фикх, арабский язык, могут замещать имама, руководить намазом, выполнять роль посредников между имамом и центральноазиатскими прихожанами. Такие неформальные лидеры обладают весомым авторитетом в мигрантской среде, они улаживают конфликты и споры, помогают советом (“что правильно, а что нет”), поэтому в некоторых случаях могут оказаться даже более влиятельными фигурами, чем имамы.

Приезжие из Центральной Азии по-разному включаются в локальные мусульманские сообщества. Есть примеры институционализации, когда мигрант становится имамом, при содействии национально-культурных организаций и под юрисдикцией РДУМ открывает религиозный центр, занимается преподаванием или оказывает помощь имаму в мечети во взаимодействии с другими мусульманами-мигрантами. Выбор посещения между мечетью и созданными на базе рынков религиозным центром и молитвенным домом, как правило, определяется широтой социальных контактов, степенью включенности в конкретные мигрантские сети, желанием ограничить свои контакты только “близким” кру-

гом, наконец, индивидуальной мобильностью. Судя по всему, наиболее консервативные информанты стремятся к ограничению и контролю круга лиц, с которыми будут взаимодействовать во время посещения религиозного центра.

Повышение уровня субъектности и активности выходцев из Центральной Азии в российском мусульманском сообществе является одной из форм интеграционного процесса. Через возможность создания и посещения своих религиозных центров (кто-то так и говорит — мигрантских), выполнение каких-либо социальных обязательств перед общиной, образование/преподавание и участие/проведение ритуалов акторы наращивают социальный капитал и повышают свой статус среди мусульман-мигрантов — земляков, которые “приходят к вере в миграции”.

Такой социальный капитал выступает, на наш взгляд, одним из ключевых индикаторов успешности интеграционного процесса. При этом степень интегрированности не определяется лишь уровнем включенности в принимающее общество. Погруженность в религиозную мусульманскую среду также может служить свидетельством реализации эффективного интеграционного сценария: самореализации в среде мигрантов-мусульман, создании и развитии своей религиозной инфраструктуры, дополняющей ранее сложившиеся институции, но в более оптимальном формате удовлетворяющей потребности определенных групп мигрантского населения.

Благодарности

Автор благодарит всех анонимных информантов, без которых это исследование не удалось бы провести и выражает признательность Юлии Хмелевской за увлекательную экскурсию по Троицку.

Примечания

¹ С их помощью удалось найти значительную часть выходов в исследовательское поле.

² Речь идет о постановлении Правительства РФ от 15.11.2006 № 683 “Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации”.

³ В 1828–1912 гг. в Троицке построили семь мечетей, из них две действуют в наши дни, в 1884–1918 гг. работало медресе “Расулия”, ставшее важным центром религиозной жизни зауральских башкир и татар.

⁴ З. Расулев (1833–1917) — известный татарский и мусульманский религиозный деятель, ишан, последователь суфизма, просветитель.

⁵ Во время посещения кладбища автор встретил семью паломников из Казахстана. На памятнике заметны следы многочисленных сколов. Отломленные фрагменты посетители оставляют себе или толкут, разводят в воде до получения суспензии и выпивают.

⁶ Общероссийский опрос МегаФОМ 29 мая — 25 июня 2012 г.; охвачено 56 900 респондентов из 2200 населенных пунктов, в каждом субъекте опрошено 500–800 человек. При характеристике религиозной ситуации в Челябинской области использованы данные в разрезе по регионам.

⁷ К сожалению, на данном этапе исследования связь с ними установить не получилось.

⁸ Примечательно, что значительная часть хафизов — это таджики.

⁹ После вступления постановления в силу территорию области покинули 1161 гражданин КНР и 78 граждан Вьетнама. По свидетельству некоторых информантов, выходцы из Таджикистана стали активнее принимать российское гражданство из рациональных соображений (инструментальное гражданство).

¹⁰ Как отметили информанты, необходимость в его посещении отпала, поскольку рядом с рынком построили мечеть. Значительная часть ее прихожан – это работники рынков “Северный” и “Китайский”, а также члены их семей.

¹¹ Формирование сетей поддержки в среде мигрантов из Таджикистана началось еще в 1990-е годы; таджикский национально-культурный центр “Сомониен” возник в Челябинске в 2003 г. и начал укреплять связи с таджикскими организациями в городах Челябинской области. Узбекские организации начали создаваться с 2007 г., но уровень активности, степень влияния на мигрантов из Узбекистана оставались существенно меньше, чем в случае таджикских организаций. Кыргызские организации появляются только в 2013 г., но разобщенность и незначительная численность кыргызов не позволяет создать разветвленные диаспоральные сети.

Источники и материалы

Адлер 2004 – Адлер И. Братья по вере // Озан. 2004. № 15. С. 5.

Арена 2012 – Арена. Атлас религий и национальностей // Среда. Исследовательская служба. 2012. <https://sreda.org/arena>

Все уезжают 2022 – Все уезжают – таджики въезжают: в Челябинске посчитали мигрантов и удивились // SPUTNIK Таджикистан. 17.08.2022. <https://tj.sputniknews.ru/20220817/chelebinsk-migranty-tajikistan-1050772948.html>

Всероссийская перепись 2020 – Всероссийская перепись населения 2020 // ФАДН. 30.08.2023. <https://fadn.gov.ru/otkritoje-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020>

В Челябинской области 2023 – В Челябинской области проведение дома обрезания новорожденному вылилось в уголовное дело // Магнитогорск онлайн. 26.01.2023. <https://mgorsk.ru/text/health/2023/01/26/72006515>

На рынке “Северный” 2012 – На рынке “Северный” открыли молитвенную комнату для мусульман // Аргументы и факты. CHELAIF.RU. 05.10.2012. <https://chel.aif.ru/society/844998>

О взрывах в Магнитогорске 2019 – О взрывах в Магнитогорске, шахидах и вере: муфтий Челябинской области рассказал о радикальном исламе // 74.ru. Челябинск онлайн. 04.03.2019. <https://74.ru/text/gorod/2019/03/04/66000810>

ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-1879. Оп. 1.

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Челябинск, Магнитогорск, Троицк; январь–апрель 2023 г.

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Челябинск; 2019–2022 гг.

Старостин 2015 – Старостин А. Этнический облик мусульман за Уралом стремительно меняется // РМСД. Российский совет по международным делам. 21.04.2015. <https://russiancouncil.ru/blogs/migration/31481>

Татары Магнитогорска 2023 – Татары Магнитогорска в зеркале демографии // Реальное время. 03.03.2023. <https://realnoevremya.ru/articles/274589-tatary-magnitogorska-v-zerkale-demografii>

Урал под мигрантской пятой 2013 – Урал под мигрантской пятой. Три региона вымрут, еще два примут ислам // Информационное агентство URA.ru. 08.10.2013. <https://ura.news/articles/1036260489>

Южноуральские мусульмане 2021 – Южноуральские мусульмане готовятся отпраздновать Ураза-байрам // Первый областной. 12.05.2021. <https://www.lobl.ru/news/o-lyudyakh/yuzhnouralskie-musulmane-gotovyatsya-otprazdnovat-uraza-bayram>

Научная литература

- Абашии С.Н.* Русская рулетка для мигрантов: производство неопределенности и прагматика фатализма // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 5–25. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040017>
- Гуськова А.О.* Христиане и мусульмане в городах Подмосковья // Религии и радикализм в постсекулярном мире / Ред. Е.И. Филиппова, Ж. Радвани. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 191–205.
- Деминцева Е.Б., Мкртчян Н.В.* Новые направления миграции: мигранты из стран Средней Азии на Камчатке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 149–175. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2429>
- Епихина Ю.Б.* (ред.) Социальные факторы межэтнической напряженности в России. М.: ФНИСЦ РАН, 2017.
- Капустина Е.Л.* Границы джамаата: особенности функционирования дагестанских транслокальных сообществ в условиях внутрirosсийской миграции // The Journal of Social Policy Studies. 2019. № 1. С. 103–118. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-103-118>
- Ларюэль М.* Ислам в России. Поиск баланса между безопасностью и интеграцией // Russie.NEI.Visions. Декабрь 2021. № 125.
- Малашенко А., Старостин А.* Ислам на современном Урале. М.: Московский Центр Карнеги, 2015.
- Могильчак Е.Л.* Религиозность мигрантов из Центральной Азии в условиях крупного города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 4. С. 620–631. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-620-631>
- Олимова С., Боск И.* Трудовая миграция из Таджикистана. Душанбе: Представительство Международной организации по миграции, Республика Таджикистан, 2003.
- Олимов М.А., Олимова С.К.* Трансформация идентичности в миграции: этничность и религия (на примере таджикской трудовой миграции в России) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 158–166. <https://doi.org/10.17223/19988613/59/21>
- Опарин Д.А.* Долг и лояльность среднеазиатских мулл в миграции // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 149–167. <https://doi.org/10.31857/S086954150015500-0>
- Опарин Д.А.* Мусульманское пространство Московского региона и миграция: фрагментация, диверсификация, интеграция // Сибирские исторические исследования. 2022. № 3. С. 111–126. <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/7>
- Сметанин Ф.А.* Религиозные лидеры как акторы производства исламских пространств Томска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 180–190. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-14>
- Старостин А.Н.* Мусульманские священнослужители Урала в современный период // Известия Уральского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2009. № 4 (66). С. 101–109.
- Старостин А.Н.* Молельные комнаты на Урале и в Сибири // Миграция и антропоток на евразийском пространстве / Ред. Д.В. Макаров, А.Н. Старостин. Вып. 1. М.: Медина, 2013.

- Старостин А. Н.* Развитие ислама в приарктической зоне на примере мусульманской общины г. Салехарда // *Magistra Vitae*. 2023. № 2. С. 71–85. <https://doi.org/10.47475/2542-0275-2023-0-2-71-85>
- Aitamurto K.* Discussions about Indigenous, National and Transnational Islam in Russia // *Religion, State and Society*. 2019. Vol. 47 (2). P. 198–213. <https://doi.org/10.1080/09637494.2019.1582933>
- Borodkina O., Sokolov N., Tavrovskiy A., Pankratova L.* Social Work with Muslim Migrants in Russia: Public Opinion Issues and Practical Perspectives // *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought*. 2017. Vol. 36 (1–2). P. 215–246. <https://doi.org/10.1080/15426432.2017.1311243>
- Cieślowska A., Blajet Z.* The Spiritual Industry of Central Asian Migrants in Moscow // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2020. Vol. 12 (1). P. 106–126. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-106-126>
- Laruelle M., Hohmann S.* Polar Islam: Muslim Communities in Russia’s Arctic Cities // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67 (4–5). P. 327–337. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565>
- Lefebvre H.* *Writing on City*. Oxford: Blackwell, 2000.
- Light M.* Migration, “Globalised” Islam and the Russian State: A Case Study of Muslim Communities in Belgorod and Adygeya Regions // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64 (2). P. 195–226. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.646497>
- Malakhov V.* Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France // *Nationalities Papers*. 2019. Vol. 47 (2). P. 310–324. <https://doi.org/10.1017/nps.2018.35>
- Nasritdinov E.* “Only by Learning how to Live Together Differently Can We Live Together at All”: Readability and Legibility of Central Asian Migrants’ Presence in Urban Russia // *Central Asian Survey*. 2016. Vol. 35 (2). P. 257–275. <https://doi.org/10.1080/02634937.2016.1153837>
- Ragozina S.* Constructing the Image of Islam in Contemporary Russian Print Media: The Language Strategies and Politics of Misrepresentation // *Religion, State & Society*. 2020. Vol. 48 (1). P. 22–37. <https://doi.org/10.1080/09637494.2019.1705087>
- Sokolov D.* Islam in the Gold Heart of Russia: Ingush Islamic Communities in Kolyma // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67 (4–5). P. 348–361. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1631182>
- Stephan-Emmrich M., Mirzoev A.* The Manufacturing of Islamic Lifestyles in Tajikistan through the Prism of Dushanbe’s Bazaars // *Central Asian Survey*. 2016. Vol. 35 (2). P. 157–177. <https://doi.org/10.1080/02634937.2016.11520>
- Turaeva R.* Imagined Mosque Communities in Russia: Central Asian Migrants in Moscow // *Asian Ethnicity*. 2019. Vol. 20 (2). P. 131–147. <https://doi.org/10.1080/14631369.2018.1525529>
- Yarlykapov A.* Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67 (4–5). P. 338–347. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1631181>
- Yusupova G., Ponarin E.* Social Remittances in Religion // *Problems of Post-Communism*. 2018. Vol. 65 (3). P. 188–200. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1224552>

Research Article

Avdashkin, A.A. The Influence of Central Asian Migration on the Islamic Space of Cities in the Urals (the Cases of Chelyabinsk, Magnitogorsk, and Troitsk) [Vliianie tsentral'noaziatskoi migratsii na islamskoe prostranstvo ural'skogo goroda (na primere Cheliabinska, Magnitogorska i Troitska)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 1, pp. 180–196. <https://doi.org/10.31857/S0869541524010092> EDN: YBNAXC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Andrey Avdashkin | <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755> | adrianmaricka@mail.ru | Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “South Ural State University (National Research University)” FSAEIH SUSU (NRU) (76 Lenin prospekt, Chelyabinsk, 454080, Russia)

Keywords

migration, Islam in Russia, Urals, integration, mosque, house of prayer

Abstract

The article focuses on the influence of Central Asian migration on the Islamic space of the cities of the Urals (Chelyabinsk, Magnitogorsk, and Troitsk). The study is drawn on interviews and ethnographic fieldwork. The concept of the right to the city is used as a theoretical and methodological framework. This research lens helped describe social relations around symbolic power over urban space. I argue that migrants create social infrastructure to satisfy their religious needs (mosques, houses of worship, halal cafes, Islamic fashion shops). Muslim migrants acquire experience in organizational activities and accumulate various resources for the formation and development of religious infrastructure in the cities of the Urals. This infrastructure makes it possible to meet the social and spiritual needs of various migrant groups.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 23-28-10211]

References

- Abashin, S.N. 2022. Russkaia ruletka dlia migrantov: proizvodstvo neopredelennosti i pragmatika fatalizma [Russian Roulette for Migrants: The Production of Uncertainty and the Pragmatics of Fatalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 5–25. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040017>
- Aitamurto, K. 2019. Discussions about Indigenous, National and Transnational Islam in Russia. *Religion, State and Society* 47 (2): 198–213. <https://doi.org/10.1080/09637494.2019.1582933>
- Borodkina, O., N. Sokolov, A. Tavrovskiy, and L. Pankratova. 2017. Social Work with Muslim Migrants in Russia: Public Opinion Issues and Practical Perspectives. *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought* 36 (1–2): 215–246. <https://doi.org/10.1080/15426432.2017.1311243>
- Cieślowska, A., and Z. Błajet. 2020. The Spiritual Industry of Central Asian Migrants in Moscow. *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 12 (1): 106–126. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-106-126>
- Demintseva, E.B., and N.V. Mkrтчian. 2023. Novye napravleniia migratsii: migranty iz stran Srednei Azii na Kamchatke [New Directions of Migration: Migrants from Central Asian Countries in Kamchatka]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i social'nye peremeny* 4: 149–175. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2429>

- Epihina, Y.B., ed. 2017. *Social'nye faktory mezhetnicheskoi napriazhennosti v Rossii* [Social Factors of Interethnic Tension in Russia]. Moscow: FNISC RAN.
- Guskova, A.O. 2017. Khristiane i musul'mane v gorodakh Podmoskov'ia [Christians and Muslims in the Cities of the Moscow Region]. In *Religii i radikalizm v postsekuliarnom mire* [Religions and Radicalism in the Post-Secular World], edited by E.I. Filippova and J. Radvani, 191–205. Moscow: IEA RAN.
- Kapustina, E.L. 2019. Granitsy dzhamaata: osobennosti funktsionirovaniia dagestanskikh translokal'nykh soobshchestv v usloviakh vnutrirossiiskoi migratsii [Borders of the Jamaat: Features of the Functioning of the Dagestan Translocal Communities in the Context of Internal Russian Migration]. *The Journal of Social Policy Studies* 1: 103–118. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-103-118>
- Laruelle, M. 2021. Islam v Rossii. Poisk balansa mezhdru bezopasnost'iu i integratsiei [Islam in Russia. Finding a Balance between Security and Integration]. *Russie. NEI. Visions* 125.
- Laruelle, M., and S. Hohmann. 2020. Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities. *Problems of Post-Communism* 67(4–5): 327–337. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565>
- Lefebvre, H. 2000. *Writing on City*. Oxford: Blackwell.
- Light, M. 2012. Migration, “Globalised” Islam and the Russian State: A Case Study of Muslim Communities in Belgorod and Adygeya Regions. *Europe-Asia Studies* 64 (2): 195–226. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.646497>
- Malakhov, V. 2019. Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France. *Nationalities Papers* 47 (2): 310–324. <https://doi.org/10.1017/nps.2018.35>
- Malashenko, A., and A. Starostin. 2015. *Islam na sovremennom Urale* [Islam in the Modern Urals]. Moscow: Moskovskii Tsentri Karnegi.
- Mogilchak, E.L. 2019. Religioznost' migrantov iz Tsentral'noi Azii v usloviakh krupnogo goroda [Religiosity of Migrants from Central Asia in a Large City]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofii. Psikhologii. Sotsiologii* 4: 620–631. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-620-631>
- Nasritdinov, E. 2016. “Only by Learning how to Live Together Differently Can We Live Together at All”: Readability and Legibility of Central Asian Migrants' Presence in Urban Russia. *Central Asian Survey* 35 (2): 257–275. <https://doi.org/10.1080/02634937.2016.1153837>
- Olimov, M.A., and S.K. Olimova. 2019. Transformatsiia identichnosti v migratsii: etnichnost' i religiiia (na primere tadhikskoi trudovoi migratsii v Rossii) [Identity Transformation in Migration: Ethnicity and Religion (On the Example of Tajik Labor Migration in Russia)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii* 59: 158–166. <https://doi.org/10.17223/19988613/59/21>
- Olimova, S., and I. Bosk. 2003. *Trudovaia migratsiia iz Tadjikistana* [Labor Migration from Tajikistan]. Dushanbe: Predstavitel'stvo Mezhdunarodnoi organizatsii po migratsii, Respublika Tadjikistan.
- Oparin, D.A. 2021. Dolg i loial'nost' sredneaziatskikh mull v migratsii [Duty and Loyalty of the Central Asian Mullahs in Migration]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 149–167. <https://doi.org/10.31857/S086954150015500-0>
- Oparin, D.A. 2022. Musul'manskoe prostranstvo Moskovskogo regiona i migratsiia: fragmentatsiia, diversifikatsiia, integratsiia [Muslim Space of the Moscow Region and Migration: Fragmentation, Diversification, Integration]. *Sibirskie istoricheskie*

- issledovaniia* 3: 111–126. <https://doi.org/10.17223/2312461X/37/7>
- Ragozina, S. 2020. Constructing the Image of Islam in Contemporary Russian Print Media: The Language Strategies and Politics of Misrepresentation. *Religion, State & Society* 48 (1): 22–37. <https://doi.org/10.1080/09637494.2019.1705087>
- Smetanin, F.A. 2022. Religioznye lidery kak aktory proizvodstva islamskikh prostranstv Tomska [Religious Leaders as Actors in the Production of Islamic Spaces in Tomsk]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 2: 180–190. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-14>
- Sokolov, D. 2020. Islam in the Gold Heart of Russia: Ingush Islamic Communities in Kolyma. *Problems of Post-Communism* 67 (4–5): 348–361. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1631182>
- Starostin, A.N. 2009. Musul'manskie sviashchennosluzhiteli Urala v sovremennyyi period [Muslim Clerics of the Urals in the Modern Period]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki* 4: 101–109.
- Starostin, A.N. 2013. Molel'nye komnaty na Urale i v Sibiri [Prayer Rooms in the Urals and Siberia]. In *Migratsiia i antropotok na evraziiskom prostranstve* [Migration and Anthropoflow in the Eurasian Space], edited by D.V. Makarov and A.N. Starostin, 1. Moscow: Medina.
- Starostin, A.N. 2023. Razvitie islama v priarkticheskoi zone na primere musul'manskoi obshchiny g. Salekharda [The Development of Islam in the Arctic Zone on the Example of the Muslim Community of Salekhard]. *Magistra Vitae* 2: 71–85. <https://doi.org/10.47475/2542-0275-2023-0-2-71-85>
- Stephan-Emmrich, M., and A. Mirzoev. 2016. The Manufacturing of Islamic Lifestyles in Tajikistan through the Prism of Dushanbe's Bazaars. *Central Asian Survey* 35 (2): 157–177. <https://doi.org/10.1080/02634937.2016.11520>
- Turaeva, R. 2019. Imagined Mosque Communities in Russia: Central Asian Migrants in Moscow. *Asian Ethnicity* 20 (2): 131–147. <https://doi.org/10.1080/14631369.2018.1525529>
- Yarlykapov, A. 2020. Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community. *Problems of Post-Communism* 67 (4–5): 338–347. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1631181>
- Yusupova, G., and E. Ponarin. 2018. Social Remittances in Religion. *Problems of Post-Communism* 65 (3): 188–200. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1224552>